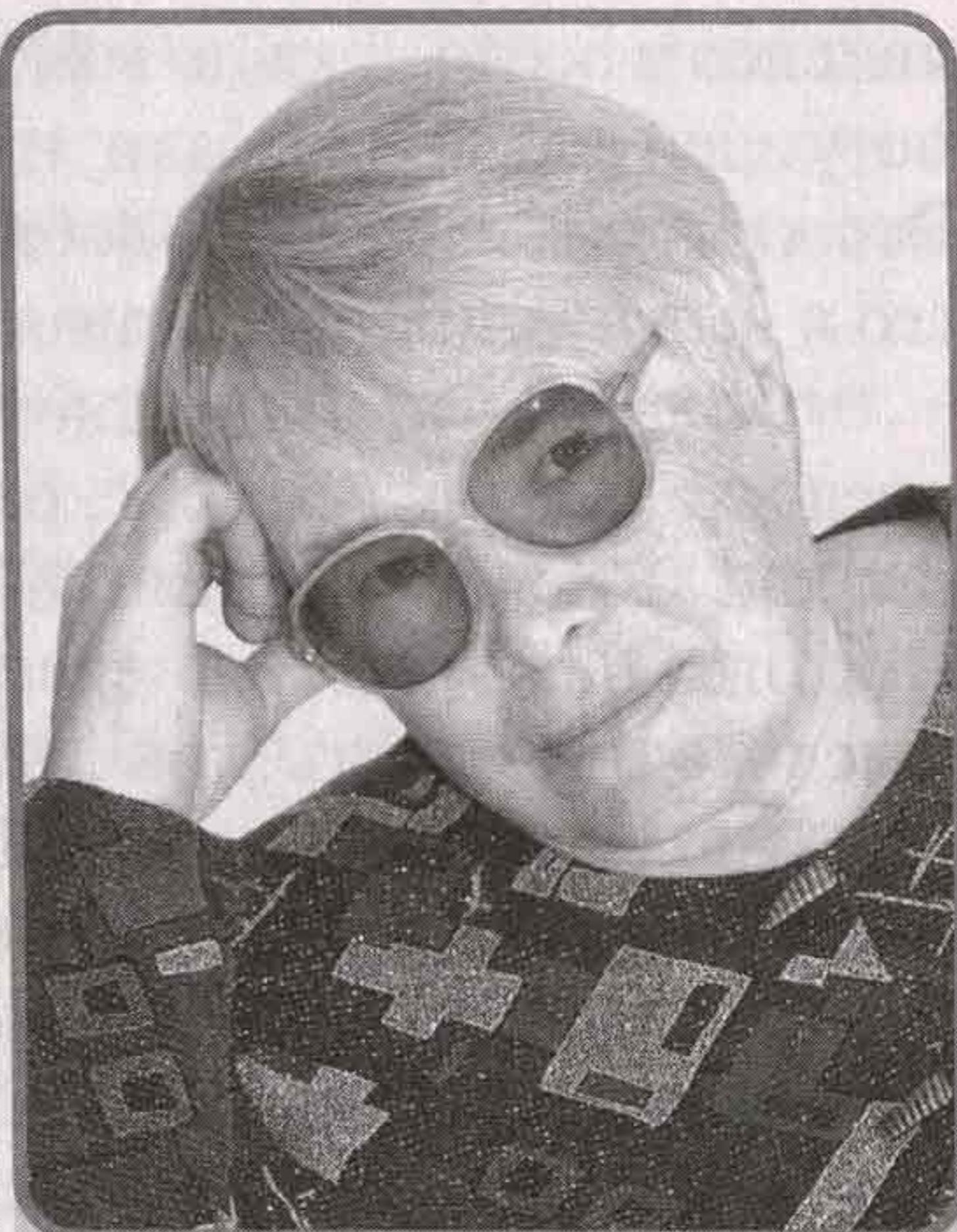

Галина Беляничева

Гуманитарная помощь

Должно быть, предки отдавали себе отчет, когда выбирали для поселения глухое, удаленное от соседнего жилья место на северной реке. Конечно, их привлекли сюда богатые возможности охоты, рыбалки, еще доступное, хотя и ограниченное климатическими условиями земледелие, лесное изобилие, сама река, в те годы судоходная, уединение и в немалой степени красота. Они поставили село, глядящим с вершины скалы на реку и заречный простор. По названию ли утеса или потому, что снизу, с реки, деревня казалась низенькой, приземленной, как бы присевшей на корточки, ее назвали Медвежонком, а судьба в дальнейшем распорядилась так, чтобы сельцо никогда не выросло во взрослого медведя. После того, как оно пережило коллективизацию, а затем побыло отделением одного из совхозов, его признали неперспективным и расформировали, жителей переселили на центральную усадьбу. Прекратив официальное существование, исчезнув со справочников и карт, деревня, однако же, уцелела и продолжает жить неофициально. Дух предков, искавших уединения и самостоятельности, выказал себя у некоторых из потомков. Они не поехали пусть и в новые дома, но в чужую деревню, или, уехав, с течением лет возвратились к родным очагам. Иные из жителей и вовсе невесть откуда

Галина Беляничева по тематике и географии своих рассказов и повестей является амурской писательницей. Ее герои живут и действуют на амурских просторах, мир произведений населен персонажами самого разного возраста: от малых детей до глубоких стариков. Представлен он писательницей в пестром потоке современной жизни.

Обычно это житейские бытовые истории, словно целиком почерпнутые из действительности, слегка подправленные элементом фантастики.

явились и осели, словно всегда тут и были. Но наибольшее оживление вносили в жизнь потухшей деревни рыбаки, приезжавшие сюда за карасями величиной со штык лопаты. Это кипучее, жаждущее добычи племя толклось в селеньи с мая по октябрь, побуждая его к выживанию и создавая о нем легенду.

О том, что списанное со счетов село живо, что в нем живут люди, что они предоставлены сами себе, районное начальство знало и даже болело за него душой, так как тоже бывало там на рыбалке, но за текучкой дел руки до него не доходили. Но когда наступил год переписи населения, в чьей-то руководящей голове родилась мысль, а не послать ли в Медвежонок вместе с переписчиком еще и гуманитарную помощь. Идея эта обкатывалась несколько месяцев, были изысканы силы, способные войти в долевое участие по безвозмездной поддержке жителей заброшенной деревни. И, наконец, к октябрю совместными стараниями администрации района, ГО и ЧС, почтового ведомства и нескольких богатых предпринимателей была снаряжена экспедиция, которая утром дня переписи с теплыми вещами и продуктами для бесплатной, однако под роспись, раздачи выехала из районного центра в дальнее село Медвежонок. За перевозку отвечал бывалый водитель Слава Лесин, за имущество - известный в районе снабженец Виктор Зиновьевич Кошелев, за перепись - библиотекарь Зоя Фоменко.

Экспедиция миновала несколько сел, к данной поездке не имеющих отношения, и через час с небольшим достигла конечной цели. Слава подогнал машину к кучке людей, собравшихся у до предела загруженного джипа с открытым кузовом. Причем проделал это с такой лихостью, что члены экспедиции успели захватить кусок спора с пышным букетом ругательств, которымисыпали друг друга два нахохлившихся мужика, третий - блаженного вида - с раскинутыми руками ходил вокруг них, должно быть, в примирительном танце, четвертый - сидел на корточках в отдалении, с интересом наблюдая за происходящим.

Слава остановил машину. Зоя легко выпорхнула вон. Следом за ней долго и тяжело выбирался грузный Зиновьевич, но как только выбрался, сразу же взял инициативу на себя. Он подошел к одному из ругающих, прилично и добротно одетому человеку, держащему на лице нагловато - презрительную мину, и, протянув ему руку, поздоровался. Для Зиновьича не имело значения, знаком он с собеседником или нет. В святом убеждении, что его-то в районе знает каждый, он здоровался со случайным встречным, как со своим приятелем. Увидев, что его приветствие с удовольствием принято, Зиновьевич передал руку второму спорящему, по виду бомжеватому бродяге, обряженному в очевидно скинутые кем-то обноски.

- Ну, что тут у вас? - густоватым баском вопросил Зиновьевич, не давая спорящим опомниться.

- Да, так... - буркнул приличный, оскорбленный тем, что по чести его уровняли с бродягой.

Бомжеватому, наоборот, польстило внимание, как он полагал, начальства, и он с готовностью принял излагать свою обиду.

- Он меня нанял, сюда из города вывез. Я все лето у него рыбу коптил, а теперь он сматывается, а меня тут бросает!

- Куда я тебя возьму? Машина переполнена! На попутках приедешь. Какая тебе разница, где бомжевать? - вновь вскипел хозяин джипа.

- Это я в городе бомж, а здесь наемный рабочий! Имею права. Обязан ты меня на место доставить! - крикливо настаивал бродяга.

- Плевать я хотел на твои права. Я тебе расчет выдал, там и на дорогу хватит, - пренебрежительно цедил хозяин.

- Не подскажите, где здесь дом Георгия Охотникова? - вклинился в их прерывательства Зиновьевич.

- А вы, собственно, кто такой? - в раздражении бросил ему наниматель.

Зиновьевич пораженно округлил глаза. Он не предполагал, что кто-то из хозяйствующих или промышляющих в районе лиц может его не знать. Но тут же вспомнил, что мужик из города, куда известность Кошелева еще не дошла.

- Мы сюда с переписью и гуманитарной помощью, - дружелюбно объяснил Зиновьевич.

- Я уехать еще не успел, а к тебе уже помошь валит, - усмешливо бросил бродяга бывший хозяин.

- И мне дадут? - оживился тот.

При слове «помощь» странная фигура, кружившая вокруг спорящих, замерев, встала. Наблюдавший поднялся с корточек и подошел к приезжим. Тем временем оставленный без внимания частник сел в джип и укатил. Его проводили безразлично ленивыми взглядами, в том числе и тот, кто только что громко кричал, что его бросают. Одна лишь переписчица Зоя встрепенулась:

- Мы ж его не переписали!

- Не за чем его переписывать, - сказал тот, кто перед тем сидел на корточках. - Он не нашей фамилии.

- А какие у вас фамилии? - заинтересовалась Зоя, глядя в ясные, как небо, глаза на бородатом лице.

Бородатый, видно, прочел табличку, прицепленную к Зоиной куртке и извещавшую о том, кто она такая, потому как с готовностью объяснил:

- А такие, что от занятий идут. Я, например, Крестьянинов, значит, трудящийся на земле. Есть Охотники, Рыбаковы.... Этот, что убежал, Тутыриным кличется. Поди, угадай, отчего такая фамилия.

- Вы что же, сами себя фамилиями наградили? - подивилась Зоя, наслышанная о своеобразии этой деревни.

- Зачем, они все фамильные, то есть дедовские. Как наши старики по деревне разделялись, так и в книгах себя записали. Теперь уж не переменить. А прежде-то у их отцов - дедов были другие прозвания. Наши старики их отринули, как не подходящие для нового места.

Зоя видела перед собой глаза, словно светом пронизанные правдой, и не знала верить или не верить. Видавший виды Зиновьевич и тот усомнился:

- Баламут ты, брат Крестьянинов, как тебя по имени - отчеству?

- Федор Михайлович.

- Мы к тебе, Федор Михайлович, по серьезному государственному делу пожало-

вали, а ты нам сказки рассказываешь. Вписывай себя, под какой хочешь фамилией, паспорта с тебя не спросят, только сам себе не соври, а то ты ж в дураках и останешься.

- Вы всех переписывать будете? - кивнул Федор на блаженного и бродягу.

- Всех, - подтвердила Зоя.

- Ну тогда пойдемте в избу. Холодно стоять на ветру. А к Гоше Охотникову я после вас отведу. Он с утра вверх по реке уплыл, еще не вернулся.

И в самом деле, день стоял неприютный, колючий, со снежными отметинами рано зазимовавшей осени. У Зои, еще ничего не писавшей, застыли руки. Она пошла вместе с бородачом и его компанией. Зиновьевич, не любивший ходить пешком, тем более в гору, забрался в кабину к Славе и наказал ехать следом.

Весь путь по проулку вдоль нескончаемо длинного огорода блаженный держался возле Зои, то забегая вперед и оглядываясь, то идя рядом. Он до того был захвачен происходящим, что душа, казалось, у него замерла. Он ступал, словно на цыпочках и не сводил глаз с Зои, чем настораживал ее и пугал. С другого боку девушки пристройился бродяга, откровенничая с ней по дороге.

- Это хорошо, что меня тут запишут, - говорил он. - Мне нигде места нету, а здесь есть. Но бомжу в деревне не выжить - с трудов или голодухи загнешься. Нашему брату один выход - в город податься. Пусть нас там не любят, но цивилизация нам тоже родная мама.

Перед глазами Зои мелькал гороховый бушлат и стоптанные ботинки бородача. « Я, как господь бог, в окружении блаженных и нищих», - совсем невесело подумала она и, когда они, наконец, дошли до дома бородача, подождала Зиновьича как свою охрану.

Изба бородача гнездилась над самым обрывом. Из окна залыказалось, что она висит над водой, и от взгляда вниз захватывало дух.

Несмотря на то, что в доме не видно было хозяйств , на подоконниках стояли цветы, крашеные полы были застланы половиками, старомодная мебель хранила черты давно ушедшего быта.

Бородач повесил на крюк гороховый бушлат, оставшись дома в полосатой морской тельняшке, внес в залу табуретку и сел против стола, где с бумагами расположилась переписчица. Зиновьевич устроился у теплого бока печки. Блаженный и бродяга не осмелились войти в парадную комнату и заглядывали в нее через раскрытую дверь из кухни.

- Я действительно Крестьянинов Федор Михайлович, - подтвердил бородач сказанное прежде. - Мне пятьдесят три года. Родился я тут, в этой избе. Отец едва успел за фельдшерицею сбегать. Женат я или холост? Не знаю, как и сказать. Вроде женат, не разводился, жену супругой считаю, а одним домом мы не живем. Я на морфлоте служил, оттуда жену привез, у родителей жили. Когда деревню переселяли, я с женой и детьми по переселению выехал, а отец с матерью на корню остались. Дети выросли, родители померли, я на корень вернулся - жена со мной не поехала, дом пожалела. Он у нас каменный, об три комнаты. И место поживей здешнего, к райцентру ближе. С той поры так и живем - я себе, она себе, дети себе. Навещаем друг

друга, то есть я - жену, она - меня, а дети уж нас обоих. Вот и суди, милая, семейный я или нет? - вприщур глянул на переписчицу Федор.

- Хозяйство все-таки вы поврозь ведете, - задумалась Зоя.

- Так мы же делимся. Друг другу гостинцы возим, подарки, жалеем один другого.

- А вместе не сходитесь.

- Есть имущество, а есть родина - для кого что важней, - со значением произнес бородач.

- Зря ты, Федор, праведника из себя изображаешь, - отозвался согревшийся у печи Зиновьевич. - Может, не в имуществе дело? Я, например, всю жизнь при имуществе, горло за него перегрызу, а родина для меня не пустой звук, и с иными чувствами, особенно по душевной части, тоже не в противоречии. Видно, не сумел ты убедить свою половину, слов таких не нашел или сердечности меж вами не доставало, вот и не пошла она за тобой.

- Ишь ты, как угадал! - крякнул Федор, живо оборачиваясь к снабженцу. - Только и было с ней спору, что о добре. Ничего другого не произносилось. Тут уж я упустил, ну и само на язык не пришло. Может, не было в том надобности? Да нет, жалею об ней и принял бы, кабы пришла. Но она не пришла, как, к примеру, Гошина жена.

Федор перевел взгляд на Зою, полагаясь на ее женское понимание, и продолжал:

- Гошиной жене тоже не понравилась наша глухомань. Собрала она вещички - и на попутку. Гоша на мотоцикле догнал и назад привез. Она в другой раз сбежала, теперь уж в райцентр. Он и оттуда ее воротил. Она в третий раз сбегла. Тут уж он осерчал и больше за ней не поехал. Через месяц она сама объявилась и говорит: «И здесь не хочу, и без тебя не могу». На том успокоилась, детишек рожает. А у меня с моим свидания есть, а притяжения нету. По молодости бы не утерпели, вместе бы сбежались.

- Сам бы к ней переехал, - посоветовал Зиновьевич, перетаскивая стул от печки к столу и раскладывая свои бумаги напротив Зои.

- Не могу, родовой корень сыновьям сохраняю. Кто-то из них, а, может, и оба сюда возвратятся. У них специальности к нашим местам подходящие. Один по лесному, другой по рыбному делу. На Сахалине оба. Пусть погуляют, рано иль поздно родина все равно перетянет. Гоша Охотников тоже с мальства из деревни ушел, о нем и помнить забыли, а он каким еще молодцом возвратился. И я к чужому углу не прикипел.

- У тебя по любому поводу Гоша да Гоша... Он у вас главный тут? - заметил снабженец.

- Авторитетный, - выделил голосом Федор. - Что рыбаки, что наши деревенские, что власти разные - к нему с уважением. Вы ведь тоже Гошу спросили.

Записав Федора в разведенные, переписчица перешла к следующему пункту анкеты, интересуясь, работает ли он.

- Не, безработный. Раньше в совхозе механизатором был, потом пчеловодом, а

теперь крестьянствую у себя на дворе и - все дела. Нет у нас тут никакой работы, а надобно б. Пенсию мне еще семь лет ждать.

- Доходы с чего имеете? - спрашивала Зоя.

- С огорода, со скотины, с того, что природа даст - грибы, ягоды. Покуда на малом держимся, о большом не мечтаем. Сами себя содержим, ни на кого не надеемся.

- Один живете?

- Жилец у меня, вон, Эдя Подкидыш, - обернулся Федор к двери и позвал: - Иди, Эдя. Тебя писать будут.

Счастливый от обращенного на него внимания, блаженный вошел в залу, сел на освобожденную Федором табуретку и с детским ожиданием чуда воззрился на переписчицу.

- Как вас зовут? - неуверенно спросила Зоя.

Блаженный сиял улыбкой и молчал.

- Эдя Подкидыш, - вместо него ответил Федор.

- Но это же кличка, - не приняла Зоя.

- Другого имени у него нет, - развел Федор руками.

- Как же быть? - затруднилась переписчица. - Есть ли у него какие-нибудь документы?

- Какие документы у подкинутого? Пять лет назад он то ли из лесу вышел, то ли его у деревни высадили. Подбросили, в общем.

- Он что-нибудь о себе говорит?

- Не, у него только чувства, а речи нету. Испугали, должно быть. Вы не смущайтесь, так и пишите - Подкидыш Эдуард, фамилия и отчество неизвестны. Все остальное тоже приблизительно.

- Он ваш иждивенец? - пытала Зоя.

- Нет, он свое оправдывает. На работу очень способный, что говоришь ему, понимает. Чувствует, что справедливо и несправедливо. Он немая правда у нас.

- По здоровью ему положена пенсия, - вставил Зиновьевич

- Кто ж будет ей заниматься? Его ж возить надо, устанавливать личность. Так, мыкаем вместе. Рыбаки его балуют, гостинцы возят, кое - что из одежки. Он непьющий, ни спиртного, ни пива в рот не берет.

Блаженный глядел на Федора и согласно кивал.

- Ну, все, Эдя, иди. Разговор с тобою окончен, - сказал ему Федор.

На освободившуюся табуретку сел бродяга.

- Пиши, девушка, - Никола Маятник, - назвал себя он.

- Снова кличка? - вспыхнула Зоя, заподозрив, что ее разыгрывают.

- По-другому меня теперь не зовут, - доложил он.

- Но вы ведь помните свое настоящее имя? - как можно мягче спросила Зоя, стараясь не ранить самолюбия человека, еще не забывшего о своих правах.

- Это и есть мое настоящее имя. С прежним мы разошлись. А звали меня Николай Прокопьевич Бережнов.

-Хорошо звали, - похвалила, записывая, Зоя. - А то Никола Маятник, прямо как святой.

- Это Федя у нас святой, - польщенно рассмеялся бродяга, - а я бездомный, опущенный жизнью маргинал.

- Мудрено, - сказал Зиновьевич. - На самом деле, куда все проще. Бережнов, значит, должен беречь. Ты что-нибудь уберег? По анкете все у тебя пусто. Идешь поперек назначения, вот и маешься. Я тебе гуманитарную помощь выдам, так ты ее не растеряй, не профукай и не пропей. Хоть этим фамилию оправдай.

Зиновьевич повел переписанных к машине и, забравшись в кузов японского грузовичка, как Дед Мороз, подавал в протянутые руки пакеты.

- Федор, подходи первый, - хозяйственно распоряжался он. - Вот тебе продовольствие, - снабженец спустил через борт тяжелую сумку. - Тут пять бутылок растительного масла, пять килограммов сахара, столько же крупы и две пачки чая. Передал еще пакет. - Вот тебе мука - пятнадцать кило - пеки на здоровье.

Зиновьевич извлек на свет легкий по виду сверток.

- Гигиена, - сообщил он. - Стиральные порошки, мыло, зубная паста - стирайте, мойтесь, покуда этого добра хватит.

У ног Федора насобирались полученные от снабженца пакеты, и он не знал, уходить ли с ними или еще ждать. Согнутая над чем-то в кузове фигура Зиновьича обнадеживала.

- На, Федя, тебе куртку, - разгибаясь, сказал снабженец. - Примеряй, хотя из чего выбирать - все размеры одинаковы.

Вслед за теплой спецовой курткой последовала цигейковая шапка и жесткие, как колода, валенки. Федор все по очереди примеривал на себя. Зиновьевич одобрительно поглядывал сверху и удовлетворенно похваливал:

- Это впору и это как раз. Валенки не тесны? По бокам давят? Ну, это разносишь. Рад, что все подошло - мужик ты хороший. Ну, иди, ставь вот сюда закорючку. Тут в графе расписано, что ты получить должен, можешь проверить, все ли выдано.

Эдя застеснялся подойти к машине, и его подтолкнули. От волнения у него падали из рук свертки. Стоящий рядом бродяга подхватывал их и стаскивал в кучу. Натянув на себя шапку и куртку, Эдя не захотел с ними расстаться и в них заходил плясом вокруг пакетов. Возвратившийся от дома Федор покосился на него, но не стал ему выговаривать, дав выразить свою радость.

Выдав помощь бродяге, Зиновьевич предложил тому обратным ходом вместе с поклажей подкинуть на машине до райцентра, а дальше в город пусть добирается сам. Но Маятник не выразил радости.

- На что мне теперь город? - промямлил он. - С имуществом я и тут перебьюсь. Вот, хоть у Феди. Примешь, Федя, меня вместе с паем?

- Пустых изб хватает, - уклонился Федор от прямого ответа.

- Мне в одиночку не вытянуть. Сам знаешь, не крестьянская у меня жила, - пожаловался бродяга. Он стоял с гроздью пакетов, с валенками под мышкой, сбитый с толку и беззащитный, как еж, потерявший иголки. - Возьми меня, - молил он Федора, - ну, хотя бы до тех пор, пока пай не кончится, потом я на попутке уеду. Хочешь, в работники бери, в кабалу, но тогда уж до лета.

Федор раздумывал, с крестьянской расчетливостью глядя на бродягу ясными своими глазами.

- Чтоб Эдю не обижать, от работы чтоб не отлынивать и права не качать, - осторожно проговорил он, не до конца уверенный, что правильно поступает.

Сотворивши благое дело, Зиновьевич забрался греться в кабину к Славе, а Зоя и Федор, вызвавшийся сопровождать переписчицу по деревне, берегом отправились дальше. Два следующих дома на зиму опустели. Зоя бросила взгляд на заколоченные окошки, признаваясь себе, что и ей не хотелось бы зимовать тут. Ежась от непрошеных мыслей, колючего ветра и ощущения заброшенности, она подошла к краю обрыва, глянула вниз и невольно вскрикнула:

- Красота-то какая!

- Да, красота, - повторил следом за нею Федор. Он тоже смотрел на реку, на лесной заречный разлив, мохнатые сопки, мрачноватые в непогожий день дали, и лицо его выражало лилейное и бережное любование.

- Разве можно такую красу на что-нибудь променять? - сказал он.

- Но зачем она так далеко от людей? - пожалела Зоя, думая о том, что раскрывшуюся перед нею картину не увидишь с трассы и с реки не увидишь. Она возникает как откровение только с этого утеса. И эта деревня, прилепившаяся к утесу, и глаза Федора тоже кажутся откровением.

- За красотою не грех на край света забраться, - отозвался местный житель на замечание приезжей девушки. - Есть такие, что издалека приезжают с нашего утеса взглянуть. Иные так наглядятся, что уезжать не желают. Душа, говорят, заворожилась. А у нас она с детства завороженная.

Они пошли дальше. Федор указал на дом с глухим забором и высокой калиткой:

- Здесь тоже Крестьянины живут.

- Ваши родственники?

- Однофамильцы, - сухо обронил Федор. - Стучитесь к ним, а то ихняя собака загрызть может.

К однофамильцам Федор не пошел, дождался объезжавшую проулками машину и сел пережидать к Славе в кабину. Для поддержки Зоя взяла Зиновьича. На него даже собака не взглянула, приняла, видимо, за своего.

Крестьянины Пелагея Васильевна и Николай Сергеевич голубизной глаз походили на Федора. Только у каждого из них была своя синева. У Николая Сергеевича непроницаемая, не пускающая в себя, у Пелагеи Васильевны холодная и блескучая, как льдинка. При взгляде на хозяев Зиновьевич замкнулся, не высказываясь и не балагуря, понимая, должно быть, что благосостояние этого дома зиждется на очень серьезной основе, что складывалось оно по крупицам, рассчитывалось скрупулезно и замысливалось надолго, поэтому шутка тут не почитаема и не уместна.

Хоромы, двор и постройки этих Крестьяниных были ухожены, прочны и добротны. Мебель в зале представляла собой смесь эпох, очевидно, покупалась на скопленную копеечку в разные периоды жизни. И все в ведении хозяйства и дома говорило о том, что добро, натужно нажитое супругами за многие годы трудов, не

проживается ими в преклонные годы, а продолжает приобретаться и накапливаться дальше. Веник в сенцах и тот стоял помелом вверх, чтобы деньги водились.

Супруги Крестьяниновы с пониманием отнеслись к переписи и как должное приняли помошь. Пелагея Васильевна, примеряя, долго выбирала себе куртку и валенки.

Между тем у приехавшего из района грузовика начал собираться народ, про слышавший о бесплатной раздаче вещей и продуктов. Каждый из жителей Медвежонка зазывал к себе. Федор не уставал уверять, что завезет гостей в каждый двор, ни одного дома не пропустит.

Перепись побывала у Рыбаковых, Охотниковых, еще одних Крестьяниновых. Попадались иные фамилии, должно быть более поздних переселенцев.

Деревня одним рядом стояла лицом к реке, другим - лицом к трассе. У трассы жилых домов было мало. Прежде здесь располагались общественные, ныне разрушающиеся или заколоченные, постройки. Федор водил районных гостей где проулками, где по ряду, с одной ему известной определенностью, время от времени спрашивая Зиновьича, хватит ли помощи, потому что есть еще люди. Снабженец заверял, что помощи хватит на всех. И, правда, в домах, где встречались дети, у Зиновьича, как у волшебника, и валеночки находились по размеру, и пакеты со сладостями и фруктами - специально для ребятишек.

Перепись обошла около двадцати домов, переговорила почти с пятьюдесятью человеками. В основном это были люди престарелого возраста, пенсионеры. Были и помоложе - от сорока и до шестидесяти лет. Среднего возраста и молодых не попалось вовсе. Редкие детишки - дошкольники были, главным образом, внуками, скинутыми родителями к старикам на доращивание.

Когда экспедиция зигзагами просекла всю деревню, и для посещения осталось всего лишь два дома, стоявших в первом ряду над обрывом, открылась и хитрость Федора, специально кружившего в обход этих двух домов, чтобы придержать их напоследок. И если до этого Федор не заходил почти ни в одну избу односельчан, отсиживаясь в кабине у Славы, с которым задушевно сдружился, то в эти два дома, он повел экспедицию сам.

На крыльце первого из них, встречая входящих, стоял высокий, седой мужчина с крупными, выразительными чертами лица, одетый в серый свитер и овчинную безрукавку, повернутую мехом вовнутрь.

- Здравствуйте, Евгений Антонович, - с особенной теплотой приветствовал его Федор. - Перепись к вам привел, - Федор указал на Зою, - и гуманитарную помощь, - кивнул на Зиновьича.

- А я смотрю, машина по деревне петляет. Кого, думаю, ищет? - приветственно улыбнулся хозяин и пригласил всех в избу.

В белой, почти без мебели, горенке, с короткими, только по верху окна, шторами, с повернутыми к стене полотнами и установленной на мольберте начатую картиной, Евгений Антонович познакомился с каждым из гостей, представил себя и жену. Она - Мария Константиновна Маслюкова - учительница, сейчас на пенсии, преданно сопутствующая мужу в его творческих искаханиях и разделяющая с ним

тяготы деревенского быта. Он - художник из города, Евгений Антонович Маслюков, задавшийся целью отобразить в живописи прелести здешней природы и жизни.

- Зоинька, пока вы будете нас с Марией Константиновной переписывать, позвольте набросать в блокнот ваши черты. Жутко стосковался по молодым лицам. Иной раз начинает казаться, что ваш возраст вовсе исчез из жизни. Это очень опасные мысли для стариков. Они наводят на подозрения об угасании человеческого рода и конце света, - обратился художник к девушке.

- А вам не скучно здесь зимовать? - в свою очередь поинтересовалась Зоя.

- Раньше на зиму я уезжал, но скоро почувствовал, что в городе мне отчаянно не хватает здешней зимы с ее величием и тоскою. Я уже третью зиму в Медвежонке зимую. Нет, мне тут не скучно. Я в обществе моих раздумий, прожитых лет, исканий, надежд. Со мной моя верная жена, а передо мной любимый пейзаж. Рядом живут любопытные мне люди. Я доволен, я счастлив, я богат. И потом, след на снежной целине держится дольше, чем на городском тротуаре, где его можно совсем не увидеть.

Говоря это, художник быстро водил карандашом в блокноте и, когда перепись была окончена, не показал девушке эскиза, сказав, что, если ей доведется быть еще в Медвежонке, он ее познакомит с тем, что из рисунка вышло. Зоя улыбнулась, не веря, что судьба еще раз забросит ее в глухое село. Зато Евгений Антонович позволил ей посмотреть пейзажи, писанные им с вершины утеса, изображения самого утеса с деревнею наверху. Среди картин Зоя увидела незаконченный портрет Федора.

- Что ж ты позировать не приходишь, - попенял ему художник.

- С утра некогда, а с обеда темно, - отговорился тот.

Однако глаза Федора художник успел выписать полностью. Они синели, как озерки с прозрачной и чистой водой. Зоя загляделась на них. Заметив это, художник спросил:

- Зоинька, вы обратили внимание, что у здешних коренных жителей и особенно потомственных глаза разных оттенков голубизны? Я иногда представляю, что это осколки той синевы, которая висит над обрывом. Если сложить их в мозаику, получится очень выразительное сочетание.

Гуманитарную помощь супруги Маслюковы постеснялись принять, но Зиновьевич их быстро переубедил, сказав:

- Вы тоже в этой деревне живете, значит, причастны ко всему, что здесь происходит. И автолавка нерегулярно сюда приезжает.

Мария Константиновна отвела Зою в сторонку и тихо ее поблагодарила.

- За что? - удивилась девушка.

- За то, что вы такая молоденькая приехали сюда переписывать. Не верьте, что ему тут не скучно. Евгению Антоновичу очень не хватает молодой, любопытной публики, которая задает вопросы и выслушивает ответы. Будете еще в Медвежонке, обязательно к нам заходите. Если мы отсюда уедем, будем вам рады в нашей городской квартире.

Экспедиция, торопясь закончить обход деревни, отказалась от предложенного Марией Константиновной чаю и, простившись с художником и его женой, в сопро-

вождении Федора направилась к избе промысловика.

Под порывами ветра бренькал, раскачиваясь на кронштейне, электрический фонарь, повешенный высоко на углу дома.

- Гошин маяк, - сказал Федор, заметив интерес к нему спутников.

- Оксана включает, когда муж задерживается на реке или в тайге.

Промысловика еще не было дома. Его жена Оксана крошила для квашения капусту, резво водя кочаном по ножам шинковки. Малые дети наблюдали за ней один из кроватки, другой из манежа.

При виде гостей, Оксана оставила работу, увела пришедших в залу, села рядышком с переписчицей и, пока та раскладывала бумаги, забросала ее вопросами о новостях в районе, о своих родственниках и знакомых. Несмотря на начавшуюся приобретаться степенность, от девических лет у нее сохранились живость, бойкая говорливость и веселое озорство.

- Я из Серегиных. Знаете в райцентре таких? - спешила высказаться она, взглядавшая то на Зою, то на Зиновьича. Зоя Серегиных не знала, Зиновьевич, как водится, знал. Оксану это обрадовало, и она с оживлением продолжала: - Я приемщицей в госпромхозе работала. Там с Гошею познакомилась, с Георгием Ивановичем Охотниковым, - поправилась она, видя, что Зоя собирается писать - Он меня в эту деревню привез. Ради любви, на что ни пойдешь, - вздохнула молодая женщина и поинтересовалась. - Вы о Гоше сначала или обо мне?

- Могу с вас начать, - сказала Зоя.

Оксана приосанилась.

- Пишите, Охотникова Оксана Николаевна. Мне 24 года, родилась в райцентре, образование среднее, замужем, двое детей, домохозяйка.

О муже Оксана сообщила, что ему 32 года, что он работает в госпромхозе охотником, что, кроме шкурок и мяса дичи, сдает еще рыбу, грибы, ягоды, орехи. Получает за это когда деньги, а когда продуктами. На то и живут. Еще, как и у всех деревенских, у них есть огород и хозяйство. Если бы не глушь и не беспокойная у мужа работа, жить можно было бы хорошо. К деревне она уже привыкает, а к Гошинным пропаданиям в тайге никак не привыкнет. Очень нервничает, когда он долго не возвращается.

- Ой, у меня лапша с дичью на плите преет, хотите? Целый день по деревне ходите - ничего горячего в рот не брали, - посочувствовала она и, сколько приезжие не отговаривались, настояла, чтобы они у нее отобедали.

Зиновьевич выдал Оксане, а Федор стаскал в дом, гуманитарную помощь в расчете на четырех человека с включением фруктов и сладостей для детей. А в знак глубокой симпатии к молодой и бедовой женщине преподнес ей не серые, как всем, валенки, а белые элегантные чесанки, чтобы она в них мужа на откосе встречала.

Гоша вернулся с реки, когда гости обедали. Он держал на кукане три больших тайменя. Оксана в живом порыве бросилась к мужу и замерла перед ним, застеснявшись чужих людей. Охотник понимающе ей улыбнулся и повел на сидящих за столом синим, как небесный простор, глазом.